

RADA REDAKCYJNA

Michael D. Bailey, Stanisław Bylina, Wiesław Caban, Marek Derwich, Janusz Małek,
Witold Molik, Swietłana Mulina, Martin Nodl, Andrzej Nowak, Krzysztof Pilarczyk,
Kazimierz Przyboś, Tadeusz Stegner, Andrzej Szwarc, Edward Walewander,
Theodore R. Weeks

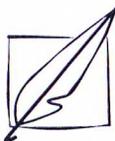
KOLEGIUM REDAKCYJNE

Krzysztof Bracha, Wiesław Caban, Ryszard Gryz (przewodniczący),
Lucyna Kostuch (zastępca przewodniczącego), Jacek Pielas, Stanisław Wiech

ALMANACH HISTORYCZNY

TOM 17, ZESZYT 1

Pod redakcją
Wiesława Cabana, Ryszarda Gryza, Jacka Legiecia

Wydawnictwo
Uniwersytetu Jana Kochanowskiego

Kielce 2015

Светлана А. Мулина

Омск, Россия

АДАПТАЦИЯ ПОЛЯКОВ В СИБИРИ (ДО 1917 ГОДА)

Процесс адаптации польских ссыльных в Сибири, трансформация их идентичности интересовали российских и польских историков достаточно давно, несмотря на то, что сам термин «адаптация» в исследованиях практически не использовался. Уже в мемуарах ссыльных мы находим описание польских колоний или встреч с соотечественниками, раньше их оказавшимися в Сибири. Сибирский опыт оценивался современниками, как правило, по двум составляющим: экономическое благополучие польского мигранта и его национальная идентификация. Последнюю определяли по внешним факторам – говорил ли соотечественник по-польски, сохранил ли веру отцов, вступил ли в смешанный брак.

Большинство поляков, оказавшихся в Сибири в XIX в., писали о быстрой утрате их предшественниками национальных черт. Потомки конфедератов и польских военнопленных XVII–XVIII вв. довольно быстро слились с остальным русским населением, и, кроме фамилий, уже не имели ничего польского. Процессу обрусения способствовала достаточно быстрая интеграция польских мигрантов в хозяйственную структуру принимающего общества. Навыки ремесла позволили первым польским переселенцам быстро включиться в экономическую жизнь края и обеспечить себя всем необходимым.

Наблюдая, как Сибирь превращала в сибиряков инородцев и иноземцев в XVII и XVIII столетии, многие ожидали столь же быстрой ассимиляции поляков, оказавшихся за Уралом в XIX в. Известный российский этнограф С. В. Максимов был уверен, что, несмотря на многие сложности, встретившиеся на пути адаптации ссыльных участников январского восстания, представители этой волны польской ссылки во втором или третьем поколении непременно сольются с местным населением¹.

Иначе оценивали перспективы польских мигрантов позапрошлого столетия польские историки. По мнению Михаила Яника, польские колонии XIX в. представляли собой принципиально новое явление в польско-сибирской ис-

¹ С. В. Максимов, *Сибирь и каторга*, ч. 3, СПб. 1990, с. 363.

тории, поскольку смогли сохранить национальный язык и культуру². Изучив данные образования, сложившиеся в крупнейших городах Сибири во второй половине позапрошлого столетия, З. Либрович пришел к выводу, что поляки, за малым исключением, не утратили в Сибири ни своих национальных черт, ни гражданско-патриотического чувства³. При этом удачная социально-экономическая интеграция мигрантов не выступала у Либровича залогом ассимиляции. Напротив, признание заслуг поляков перед Сибирью становится своего рода свидетельством того, что польский элемент не растворился в сибирском пространстве, а нашел нишу для собственной экономической реализации. Этот оптимистический вывод польских историков надолго закрепился в исследовательской литературе.

Несколько десятилетий назад известный российский полонист Б. С. Шостакович предложил для обозначения «формы практического осуществления российско-польских связей в условиях Сибири», а также «выработки в повседневной жизненной практике новых традиций и норм взаимоотношений польского национального элемента с сибиряками» термин «осибирячивание»⁴. С одной стороны, процесс осибирячивания сводится к процессу адаптации. Сквозь призму этого явления исследователи рассматривают практически всю деятельность поляков в Сибири. С другой стороны, появление термина «осибирячивание» ставит проблему качественного отличия процессов адаптации поляков на территории Сибири, подчеркивает разницу процессов обрусения и осибирячивания. Последнее связано с приобретением мигрантами региональной идентичности при сохранении основных элементов этнической идентификации.

Первые относительно крупные группы поляков – военнопленные и добровольные переселенцы – появляются в Сибири в XVII в. Большинство из них было зачислено в конные и пешие казаки и несло службу в гарнизонах. Когда военно-политическая обстановка в Сибири нормализовалась, а количество гарнизонов сократилось, многие поляки переселились на заимки в уезд⁵. Томский исследователь В. Г. Волков приводит многочисленные примеры, когда поляки становились основателями сибирских деревень⁶. Однако эти населенные пункты не стали так называемыми этническими деревнями, поскольку потомки

² M. Janik, *Dzieje Polaków na Syberii*, Warszawa–Wrocław 1991, с. 399.

³ Z. Librowicz, *Polacy w Syberii*, Wrocław 1993, с. 360.

⁴ Б. С. Шостакович, *Поляки в Сибири в 1870–1890-е годы (из истории русско-польских отношений в XIX веке)*. Автореф. дис. ... канд. ист. Наук, Иркутск 1974, с. 28.

⁵ А. А. Люцидарская, *Служилые поляки в Томске (по материалам XVII столетия)*, в: *Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Сборник материалов Международн. научн. конфер.*, редкол. Б. С. Шостакович и др., Иркутск 2001, с. 24–25.

⁶ Например, в Томском уезде деревня Литвинова была основана Литвиновыми, Бжицкая – Бжицкими, Лучанова – Болтовскими, деревни Ставская – Ставскими, Жуковская и Маркелова – Жуковскими, Игловская – Игловскими, село Богородское – Сваровскими и т.д.

поляков, попавших в Сибирь в XVII в., довольно быстро слились и по языку и по этническому самосознанию с остальным русским населением⁷.

Во второй половине XVIII столетия за Уралом оказались ссыльные участники барской конфедерации. Большинство их ожидала служба в сибирских гарнизонах рядовыми. Конфедераты в Сибири достаточно быстро утрачивали национальную идентификацию. Служба в казачьих войсках создавала возможность тесного взаимодействия поляков с русскими солдатами, помогала усваивать язык, обычаи, социальные нормы нового государства. Как правило, поляки принимали российскую присягу, а, выйдя в отставку, вступали в брак с местными уроженками. В результате потомки конфедератов, кроме фамилий, не имели уже ничего польского⁸. Процесс национального обезличивания затронул и тех конфедератов, кто проживал в сельской местности компактными группами. По свидетельству З. Либровича, в Западной Сибири недалеко от Семипалатинска существовали две деревни, жители которых не говорили по-польски, однако считали себя конфедератами барскими. Он также ссылается на воспоминания Рейхмана, где упоминается деревня Бар, находящаяся над Селенгой. По рассказам местных жителей, деревня в свое время была заселена ссыльными конфедератами. Если это так, то они полностью выродились, и нет ни малейшей разницы между ними и чисто российским элементом⁹.

Массовая ссылка польских военнопленных – участников наполеоновских походов не имела большого значения в формировании польских анклавов. Их большая часть покинула Сибирь в результате амнистии 1815 г. На 1823 г. в сибирском линейном казачьем войске осталось только 127 военнопленных поляков и 15 иностранцев, добровольно оставшихся на службе и принявших присягу на вечное подданство России. Некоторые из них были в службе, а другие в отставке и по большей части уже имели жен и детей¹⁰.

Ссылка участников восстания 1830–1831 гг. и различных конспиративных кружков первой половины XIX в. оставила в Сибири более заметный след. Большинство поляков в этот период было сослано в Сибирь на поселение по суду, а также в административном порядке на жительство, гражданскую и военную службу в сибирских гарнизонах. Поселенцы направлялись преимущественно в Западную Сибирь, а также в Енисейскую и Иркутскую губернии. Каторжане по мере освобождения от работ в основном расселялись на территории Нерчинского горного округа, а также в небольших селениях Восточ-

⁷ В. Г. Волков, *Поляки – основатели населенных пунктов Томского уезда. XVII–XVIII века*, в: *Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития: Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Омск. гос. агр. ун-та и 180-летию агроном. науки в Зап. Сиб. (27–28 марта 2008 г., Омск)*, в 3 ч., ч. 1, Омск 2008, с. 368–369.

⁸ А. Kuczyński, *Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny Polaków. Rys historyczny. Antologia*, Kraków 2007, с. 66.

⁹ Z. Librowicz, *Polacy w Syberii*, с. 55.

¹⁰ Исторический архив Омской области (ИсАОО), ф. 67, оп. 1, д. 93, л. 7–8.

ной Сибири¹¹. Крупные польские колонии складываются в сибирских городах. Именно здесь появляются очаги польской культуры, вокруг которых концентрируются поляки, как ссыльные, так и добровольные переселенцы. В первую очередь, это большие семейные дома, ставшие центром культурной и психологической поддержки, «настоящей пристанью для земляков»¹². Встречи в «польских домах», празднование именин, национальных и религиозных праздников, совместное проживание и ведение хозяйства – все эти многочисленные примеры, отразившиеся в мемуарной литературе, позволили польским исследователям В. Сливовской и Я. Трынковскому, предположить, что сосланные в Сибирь в XIX в. поляки проявили определенную склонность (или прямо потребность) к сосредоточиванию и самоорганизации¹³. Ярким примером этого стала деятельность многочисленных обществ вспомоществования, в том числе, наиболее известные и организованные – забайкальский и иркутский «ogóły». В рамках польских обществ взаимопомощи явно обозначается установка на внутриэтнические браки и ограничение контактов с принимающим обществом.

О жизни поляков в сельской местности известно не много, хотя сельским хозяйством и огородничеством занимались многие, даже каторжники. Исследователи рассматривают судьбы отдельных поляков, проживавших в сельской местности, но оценить степень их обрусения, как правило, не удается. Можно согласиться лишь с тем, что «при компактном проживании полякам было легче выжить и адаптироваться в Сибири, сохранив свою национальную идентичность даже при условии смешанных браков»¹⁴.

Около 20 000 поляков оказались в Сибири за участие во втором польском восстании. Более 80% ссыльных отправляются властями «на водворение» в сельскую местность. Не смотря на старания властей максимально рассредоточить поляков среди старожилов, скопления поляков в ряде сельских населенных пунктов избежать не удалось. Большие коллективы ссыльных из трех-четырёх десятков человек проживали на 1868 г. в селах Томской губернии: Богородское, Спасское, Камышенское, Тяшинские Вершины, Чумайское и т.д.¹⁵ В Тобольской губернии много поляков оказалось в Омском и Ишимс-

¹¹ Б. С. Шостакович, С. В. Кодан, *Историко-правовые аспекты польской ссылки в Сибирь в 1830-х – первой половине 1850-х годов*, в: *Ссыльные революционеры в Сибири*, вып. 9, Иркутск 1985, с. 200.

¹² В. Сливовская, *Сибирские тени. О польских женщинах в межповстанческий период ссылки*, в: *Сибирская ссылка: Сборник научных статей*, Иркутск 2000, с. 93.

¹³ W. Śliwowska, J. Trynkowski, „Ogóły” – organizacje samopomocowe polskich zesłańców we Wschodniej Syberii w l. 40. i 50. XIX w., в: *Życie jest wszędzie... Wiodąca jest... Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej. Zbiór materiałów z konferencji 16–17 września 2003 r.*, Warszawa, ред. А. Brus, Warszawa 2005, с. 147.

¹⁴ Е. Н. Туманик, *Адаптация в Западной Сибири ссыльных поляков (первая треть XIX в.)*, в: *Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: Сб. науч. тр.*, отв. ред. О. Н. Шелегина, Новосибирск 2006, с. 74.

¹⁵ ИсаОО, ф. 3, оп. 6, д. 8960.

ком округах. В селах, где проживало более одного или двух десятков поляков, в отношениях мигрантов со старожилами царствовал «полный разлад»¹⁶. Были случаи, когда ссыльные пытались отделиться от старожилов и образовывать собственное компактное поселение. Подобное желание высказывали властям польские переселенцы села Старый Тартас Усть-Тартасской волости¹⁷, а также Баженовской волости. Думается, что ссыльные повстанцы, водворенные в западносибирских селах, стали базой для появления на рубеже XIX и XX вв. этнических польских деревень.

В Восточной Сибири наибольшее количество повстанцев проживало в Иркутске и на территории Александровского винокуренного, Иркутского и Усть-Кутского солеваренного, Николаевского железодельного заводов. Значительно меньше их было в окружных поселках. В Идинской, Яндинской, Илгинской, Оекской и др. волостях число сосланных повстанцев измерялось первыми сотнями, но расселены они были по несколько человек в отдельных деревушках и даже на участках, по-видимому, на лесоразработках¹⁸.

Наибольшие польские диаспоры во второй половине XIX в. складываются в сибирских городах, особенно в губернских центрах. Именно здесь возникают первые костелы, ставшие центром притяжения поляков. Польские колонии в городах постоянно увеличивались за счет наплыва поляков из сельской местности. Но контроль правительства и неоднородность польских колоний не позволили сложиться диаспорной общине. Возникающие повсюду общества вспомоществования оказались недолговечными. Этот вариант групповой адаптации с одновременным сохранением этнической идентификации не был реализован. Сибирские города были вне зависимости от состава населения «русскими», с точки зрения языка и общегородской культуры, а облик городских польских колоний со временем стал более демократичным. Поэтому денационализация среди поляков, проживавших в городах, имела большие масштабы. «... Мы встречаем многих сосланных в 1863 г., которые, поженившись с россиянками, не только своих детей не научили польскому языку, но и сами забыли свой язык», – писал корреспондент «Иллюстрированного еженедельника» о польской колонии в Омске. – «Совсем немного осталось уже ветеранов последнего восстания, которые сберегли от разрушения себя самих и свои семьи»¹⁹.

Новый импульс самоорганизации польской диаспоры в Сибири пришелся на конец XIX в. и был связан, по преимуществу, с добровольной миграцией

¹⁶ Там же, д. 7883, л. 165 об.–167.

¹⁷ А. Ю. Майничева, *Польские переселенцы в Томской губернии (середина XIX в.)*, в: *Сибирская заимка*, http://www.gloru.nsu.ru/projects/siberia/to_sun/maynich3.shtml (3.06.2014).

¹⁸ М. Р. Новоселова, *Места захоронения польских повстанцев 1863 г. в Иркутской губернии. Постановка вопроса*, в: *Полония в Сибири, в России и в мире: проблемы изучения. Материалы международного научного симпозиума (Иркутск, 8–12 сентября 2004 г.)*, редкол. Б. С. Шостакович и др., Иркутск 2006, с. 112.

¹⁹ *Kolonie polskie na Syberji*, «Tygodnik Ilustrowany» 1907, półroczе 1., № 7, с. 148–149.

поляков. Именно в этот период создаются этнические польские деревни, а в городах многочисленные польские филантропические организации, землячества, римско-католические благотворительные общества. По мнению исследователей, в конце XIX – начале XX в. больше шансов сохранить свой язык и обычаи имели польские крестьяне, чем их соплеменники из рабочих и интеллигенции, проживавшие в сибирских городах²⁰. Действительно крестьянский быт стал своеобразным консервирующим элементом, помогающим полякам в условиях Сибири сохранить свою национальную специфику.

По данным Л. К. Островского, в конце XIX – начале XX вв. только в Томской губернии было более 60 населенных пунктов, где проживали польские переселенцы в количестве 20 и более человек²¹. Наибольшее количество поляков проживало в 1921–1922 гг. в Томской губернии в деревнях: Бороковка, Малиновка, Кузьминка, Воскресенка, пос. Вязимский, Полозовское, Белосток, Сухоречье, Речица, Икса, Букмийза; в Омской губернии – Малиновка; в Ново-николаевской – Боровское, Сосновка, Парамоновское; в Енисейской – Малиновка, Креславка, Алгашлык, Йентаул, Николаевка, Лакино, Хмелово, Канок; в Иркутской – Вершина²². При этом материалы переписи 1920 г. позволили исследователю сделать вывод, что процент поляков относительно местных жителей был выше в городах Сибири, нежели в сельской местности. Например, в Томской губернии в городах поляки составляли 3,1% от всего населения, а в деревнях – только 1,3%. В городах Омской губернии поляки составляли 4,2% (показатель гораздо больший, чем у украинцев и белорусов)²³. Всего поляки в 1920 г. составляли 0,6% населения Сибири.

Часто основателями этнических польских деревень становились переселенцы с территории Западного края. В отношениях с принимающим обществом у них на первый план выходила польская самоидентификация, «краёвый литвин уступал место поляку» и такой процесс имел место, прежде всего, среди католической шляхты²⁴. Так жители поселка Минск-Дворянского (основанного переселенцами Минской губернии), деревни Гриневицы (основанной переселенцами Виленской и Витебской губерний) будут идентифицировать себя с польским этносом²⁵.

²⁰ Л. К. Островский, *Польские крестьяне в Сибири (1890-е–1930-е гг.)*, в: *Сибирско-польская история и современность*, с. 123.

²¹ Л. К. Островский, *Польские крестьяне в Сибири на рубеже XIX–XX вв.*, «Гуманитарные науки в Сибири» 2009, № 2, с. 39.

²² L. K. Ostrowski, *Polacy na Syberii w latach 1890–1935*, «Studia Polonijne» 1999, т. 20, с. 154.

²³ Там же, с. 155–156.

²⁴ Д. Михалюк, *Белорусские дороги в Сибирь в XIX–XX веках. Проблема национальной идентификации в период формирования национального самосознания*, в: *Сибирская деревня*, ч. 1, с. 57.

²⁵ А. А. Крих, *Идентичность и идентификация выходцев из Минской губернии в деревнях Омского Прииртышья (конец XIX–XX века)*, в: *Сибирская деревня*, ч. 1, с. 33–37.

Рост католического населения в Сибири сопровождался строительством католических храмов. С 1881 по 1906 гг. только в Западной Сибири возникли следующие католические культовые здания: молитвенные дома в пос. Деспотзинском Омского прихода (1898), Белостоке (1902), Двуречном (1905) Томского прихода; часовни в Новониколаевске (1902), Бийске (1905), филиальный храм в Тюмени (1903); приходские храмы в Ишиме (1902), Кургане (1904), Мариинске (1904). В 1901 г. начато строительство нового каменного здания церкви в г. Тобольске²⁶. В Енисейской губернии появляются костелы в деревнях Канок и Креславка²⁷. Польский исследователь А. Майдовский приводит множество примеров, когда сельские жители поднимали вопрос о строительстве костелов, но не могли добиться успехов. Например, в 1907 г. переселенцы д. Ботвино Тарского округа ходатайствовали о строительстве деревянного костела. В Тюкалинском районе с подобной просьбой обратились к властям переселенцы из Подолья и Волыни, проживавшие в пос. Елизаветинском²⁸. Строительство костела или наличие просьб о строительстве костелов в определенной мере свидетельствовало о формировании в той или иной местности колоний католиков. Католичество становилось важнейшим элементом в процессе этнической идентификации. Как внешней, так и внутренней. Для сельского жителя религиозная идентичность оказывалась даже более важной, чем национальная. «У них даже еще национального самосознания нет, а только религиозное», — характеризовал советский чиновник польских и белорусских переселенцев в начале 1920-х гг.²⁹

Революция и гражданская война, репрессии 1930-х гг., гонения на церковь, ускоренная урбанизация, ликвидация неперспективных деревень в 1970-е гг., эмиграция поляков в 1990-е гг. — эти события не лучшим образом сказались на судьбах выше упомянутых населенных пунктов. Большинство польских деревень сегодня не существует или потеряло свою национальную специфику. Исключением можно считать деревни Вершина Иркутской области и Александровка Красноярского края. Эти две деревни сохранились как этнические и в настоящее время являются объектом изучения этнологов и историков. Уникальность этих населенных пунктов не только в том, что их жители до сих пор говорят на польском языке и считают себя поляками. Эти деревни пред-

²⁶ Т. Г. Недзелюк, *Римско-Католическая Церковь в полиэтническом пространстве Западной Сибири 1881–1918 гг.*, Новосибирск 2009, с. 38.

²⁷ S. Leończyk, *Budowa kościołów katolickich dla osiedleńców polskich w Kreslawce i Kanoku w guberni jenijskiej na początku XX wieku*, «Archiwa Biblioteki i Muzea Kościelne» 2009, т. 92, с. 141–147.

²⁸ A. Majdowski, *Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim. Syberia. Daleki Wschód. Azja Środkowa*, Warszawa 2001.

²⁹ Из сообщения инструктора польского подотдела национальных меньшинств Томского губкома РКП(б) в избирком РКП(б) о взаимоотношениях комячейки и католического прихода в с. Маличевка. 1 февраля 1921 г., г. Томск, *Из истории земли Томской. Сибирский Белосток. Сборник документов и материалов*, Томск 1998, с. 50.

ставляют собою два специфических варианта адаптации поляков в Сибири. Александровку основали переселенцы из Волынской губернии, в основном семьи поляков-мазуров, которые переселились на Волынь еще в XIX в., однако сохраняли свою национальную идентичность и язык. Большинство их по вероисповеданию были лютеранами. На новом месте приехавшие переселенцы попали под большое влияние группы других переселенцев, по вероисповеданию – баптистов³⁰. В данном случае адаптационный путь этой деревни схож с судьбой поселений русских староверов в Сибири, сохранивших свою замкнутость, религиозную и хозяйственно-бытовую специфику. В этой же связи стоит упомянуть «поляков-самозванцев» – раскольников, бежавших в XVII в. от преследований в Западный край, а после сосланных Екатериной II в Сибирь. Несмотря на краткое пребывание в польской среде, они переняли ряд внешних бытовых и культурных традиций поляков и в Сибири стали идентифицироваться местным населением как поляки.

Жители Вершины – потомки переселенцев из Келецкой и Петроковской губерний Царства Польского, адаптация которых происходила в окружении бурятского этноса³¹. Возможно, инородческая среда способствовала замкнутости польского общества. Из примеров подобного рода можно привести лишь упоминаемые Ф. Чаплицким, а затем Либровичем польско-остяцкие и польско-тунгусские колонии. Беглые каторжники, поселенцы и другие ссыльные, желая укрыться от полиции, брали в жены девушку из инородцев: остячку или тунгуску, перенимали традиции инородцев, но сохранили свою национальную идентификацию. Говорили по-русски и по-остяцки, но между собою только по-польски³².

Таким образом, изучение польской политической ссылки как специфического сегмента колонизационного процесса в Сибири таит широкие возможности и для реконструкции процесса взаимодействия мигрантов и сибирского общества.

³⁰ С. В. Леончик, *Полония южной части Красноярского края: прошлое и настоящее*, в: *Полония в Сибири, в России и в мире: проблемы изучения. Материалы международного научного симпозиума (Иркутск, 8–12 сентября 2004 г.)*, редкол. Б. С. Шостакович и др., Иркутск 2006, с. 129.

³¹ Н. Г. Галеткина, *Поляки или сибиряки? К вопросу о групповой идентичности жителей деревни Вершина Боханского района Иркутской области*, в: *Сибирско-польская история и современность*, с. 212–218.

³² Z. Librowicz, *Polacy w Syberii*, с. 357–358.

STRESZCZENIE

ADAPTACJA POLAKÓW NA SYBERII (DO 1917 ROKU)

W artykule opisano przykłady procesów adaptacyjnych w różnych grupach polskich migrantów na Syberii w okresie od XVII do początku XX w. Jeśli w XVII i XVIII w. Polacy szybko tracili tożsamość narodową, to w XIX w. na Syberii powstawały już duże polskie kolonie, które starały się izolować od miejscowej społeczności. Ale o powstaniu polskiej diaspory na Syberii możemy mówić dopiero w końcu XIX w., kiedy pojawiły się etniczne polskie wsie, a w miastach – liczne polskie organizacje filantropijne, kulturalne oraz rzymskokatolickie organizacje dobroczynne.

Autorka zwraca uwagę na perspektywy badań polskich zesłańców politycznych jako specyficznego segmentu procesu kolonizacyjnego Syberii, co daje szerokie możliwości rekonstrukcji procesu interakcji polskich migrantów i syberyjskiego społeczeństwa.

Słowa kluczowe: polscy zesłańcy polityczni, adaptacja, historia Syberii.